Михаил Петров доклад.
Череповец, апрель 2026 года

Может показаться, что потенциал творческого наследия Игоря-Северянина исчерпал себя: всё сказано, всё написано. Однако вот замечание Игоря-Северянина о самом себе: «Он тем хорош, что он совсем не то, \ Что думает о нём толпа пустая, \ Стихов принципиально не читая, \ Раз нет в них ананасов и авто».

Справедливо за тем только исключением, что дело не в автомобилях и ананасах, а в том, что в современной поэзии отсутствует информативность — насыщенность поэтического текста эмоциями и связанными с ними ассоциациями, например, авторской новизной восприятия мира в критических ситуациях. Новизна авторского восприятия — это и есть суть поэзии. Полагаю, что наиболее яркая эмоция влюблённость, а наиболее глубокая любовь — это критические ситуации равно разделённое чувство или нет. Всё остальное *«я так вижу»* — на фоне пренебрежения элементарными правилами стихосложения.

Однако век покорения космоса. Кого сейчас удивишь телефоном, автомобилями и ветропросвистом экспрессов, а тем более чувствами, обесцененными попсой и русским шансоном? Массовая культура скармливает нам грубые или весьма изощрённые имитации. Старые, поднаторевшие в ремесле пердуны, раз за разом подсовывают нам симулякры, каких угодно вещей и каких угодно смыслов. Удачные симулякры, защищённые авторским правом, есть твёрдая валюта — источник накопления жизненных благ, капитал, который можно вложить в дело или передать по наследству.

Наконец, следует понимать и принимать не то, что поэт хотел сказать, по мнению того или иного исследователя, а то, что сказал. Растолкуйте текстуальные непонятки, если это необходимо, но воздержитесь от толкования смыслов, разумеется, если это не набор симулякров. Компиляция симулякров есть всё, что угодно, но не поэзия.

***

Известно, что поэт не всегда поэт. Пушкинская формула безусловно верна*: Пока не требует поэта \ К священной жертве Аполлон, \ В заботах суетного света \ Он малодушно погружен; <…> И меж детей ничтожных мира, \ Быть может, всех ничтожней он.*

Поэзия никогда надолго не задерживалась на первом месте в приоритетах Игоря-Северянина, сверх времени необходимого для фиксации божественного глагола. Друзья, выпивка, женщины, а во второй половине жизни рыбалка и пешие прогулки — лишь способы коротать время сначала в ожидании музы, а потом божественного откровения.

Лемма №1: поэт до тех пор поэт, пока он способен шляться по ночам с музой, ища и находя приключения на пятую точку. Муза не приходит к кому попало, она приходит к мастеру, способному воплотить брюсовскую формулу *«Быть может все в жизни лишь средство \ Для ярко-певучих стихов, \ И ты с беспечального детства \ Ищи сочетания слов».*

Поэтому, например, Сергей Есенин гуляка, пьяница и бабник — поэт, мастер! — однако до статуса стихотворца не дожил. Владимир Маяковский, запутавшийся в своих отношениях с властью и бабами (Sic!), жил не как поэт, а как ремесленник и умер как ремесленник, не совладав с собственным гением в общепринятом смысле термина.

Лемма №2: поэт, утративший с возрастом способность шляться по ночам в компании с музой, переходит в статус стихотворца. И, если он успел что-то там нагулять в юности, например, жизненный опыт не важно с каким знаком, ему есть что сказать публике.

Так, Валерий Брюсов умер в статусе гениального стихотворца. Константин Фофанов остался поэтом — благодаря алкоголизму! — до последнего вздоха. На смертном одре в горячечном бреду он пальцем чертил на стене больничной палаты свои последние строфы. Поэт не мог жить без поэзии и, более того, умереть без неё.

Лемма №3: поскольку перо не должно затупиться или заржаветь, стихотворец в ожидании «божественного глагола» тренируется. Тренировочное не в счёт.

Так, если вы поставите целью прочесть всего Пушкина, вы быстро его возненавидите именно за то, что поэзией не является. Характерный пример сборник «Разговоры Пушкина». Применительно к Игорю-Северянину далеко не всё, что вышло из-под его пера отмечено гениальностью, например, пейзажная лирика, воспевающая эстонскую природу, и абсолютное большинство стихов «по случаю». Зато есть относительно редкие откровения зрелого мастера, например, сонеты о людях искусства, и редкие в зрелости прозрения, отмеченные божественным глаголом.

Отдельно — переводы с эстонского. По мнению Валмара Адамса, именно через северянинские переводы на русский, несовершенная в тот момент эстонская поэзия начала быть в европейской культуре. Парадокс!

Умышленно не привожу примеров: можно любить поэта всего за пару удачных строк, которые легли вам на сердце. Например, Давид Самойлов знаменит, л любим и узнаваем строкой *«Война гуляет по России, \ А мы такие молодые»*, хотя у него есть много других запоминающихся строк. Своё найдите сами.

Правило двух строк: умение мастера кратко изложить столько же смысла, сколько иной писатель вкладывает в роман. Писатель Джонатан Свифт о поэте Александре Попе: *When he can in one couplet fix \ More sense than I can do in six; \ It gives me such a jealous fit…* Нам эти строки знакомы по прекрасному переводу Юрия Левина:

Творений Попа каждый слог
В мне рождает тяжкий вздох:
Он уместит, умён и краток,
В две строчки, то, что я — в десяток

***

Пушкин велик именно своей простотой, потому он не нуждается в переводчиках с русского на русский. Именно поэтому век его поэзии – Золотой. Странным образом литературный XIX век в России продлился до мая 1911 года и закончился со смертью Константина Михайловича Фофанова.

Кстати, вот вам тема для исследования: зачем спустя десять лет после смерти Фофанова Игорь-Северянин предпринял попытку сбежать из Серебряного века в Золотой?

Не из задора, не для славы
Пишу онегинской строфой
Непритязательные главы,
Где дух поэзии живой.
Игорь-Северянин. Рояль Леандра.

И после Белого и Блока,
Когда стал стих сложней, чем танк,

Влюблённый в простоту глубоко,
Я простотой иду va banque!
Игорь-Северянин. Колокола собора чувств.

***

Приличествующий случаю пример наследования нами поэтики золотого века. Вот Пушкин. Новая сцена из Фауста и Мефистофеля.

Фауст
Мне скучно, бес.

Мефистофель
Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живёт —
И всех вас гроб, зевая, ждёт.
Зевай и ты.

Казалось бы, всё логично: вам пòложен предел — и всяк зевает да живёт, и всех вас гроб, зевая, ждёт. Однако «пòложен» не укладывается в строку, потому что в нём ударным является первый слог, а надобно, чтоб последний.

В изданиях 1838, 1869, 1916, 1930, 1935 и 1950 годов: «Таковъ вамъ пòложенъ предѣлъ», et cetera. В изданиях 1881, 1887 годов: «Таковъ вамъ положòнъ предѣлъ». И только в издании Льва Поливанова (1887) читаем: «Таковъ нам положòн предел <…> и всех вас гроб, зевая, ждёт».

Спустя всего два года после первой публикации Пушкин и сам не смог вспомнить точную дату написания сцены с Фаустом: то ли 1825, то ли 1826 год?

Рукопись утрачена, проверить ударения негде, разве что сравнить с первой публикацией драматического отрывка в «Московском Вестнике» за 1828 год. Однако уже тогда в журнале подправили пушкинского Мефистоф**И**ля на европейского Мефистоф**Е**ля (от немецкого Mephistopheles). Что, если подправили кое-что ещё?

Возможно, переиначивая Пушкина с его русского языка на русский язык советского образца, литературоведение не слишком заморачивалось незначительными искажениями смысла, тем более что традиция написания сложилась ещё до революции. Казалось бы, расхождение действительно незначительное: ну, какая разница — *вам* или *нам*, пòложен или положòн?

Разница в том, что «пòложен» означает нечто должное, оговорённое правилами или предписанное нормами. Иное дело «положòн предел» — объявлен внезапный запрет, ограничение. Интонационное различие едва уловимо, но всё же оно есть.

Язык надо чувствовать, как его чувствовал русский писатель Алексей Ремизов. Игоря-Северянина критики в русской литературной Варшаве попрекали ударением в строке *«Для утòнченной женщины ночь всегда новобрачная...»* Ремизов вступился:

«Буква е может произноситься как ё только тогда, если она стоит под ударением. Если, с изменением формы слова, ударение переходит на другой слог, то звук ё исчезает. <…> Это то же, за что Игоря Северянина в Варшаве нынче обличали русские Грамматики, всякие бывают Грамматики: ему говорят – неправильно произносите “утòнченный”, надо говорить “утончённый”! А он по простоте своей – учение о предложении и о словосочетаниях для него мёртвая грамота – возразить ничего и не может. Так и уехал в Тойлу. А ведь был прав: есть “утончённый” (по существу, тонкий), а есть “утòнченный” (не тонкий, лишь сделавшийся тоньше: как бы рубанком прошлись!)».

Разумеется, можно просто читать Пушкина, не заморачиваясь тайнами и загадками. Однако, уверяю вас, «тайны» и «загадки» — это не Пушкин, а недостатки нашего с вами образования, и не более того. В известном смысле, поэты начала XX века, на порядок сложнее и вычурнее Пушкина. Поэтика же Александра Сергеевича не требует переводчика, потому его недолгий век — золотой, а их век всего лишь серебряный.

Язык Игоря-Северянина, кажущийся нам вычурным, гораздо ближе к языку Пушкина, чем может показаться на первый взгляд, тем не менее поэтика Игоря-Северянина намного сложнее пушкинской. Если Пушкин адаптировал для нас два века западноевропейской литературы и поэзии, то Игорь-Северянин пропустил через свою мифологему технические реалии начинающегося XX века и новые для России общественные отношения. Через него они стали быть в общественном сознании. Увы, Игорю-Северянину, как и большинству его современников по Серебряному веку нужен толкователь, а некоторым ещё и переводчик.

Есть ещё разница: XIX век прятал интимные посвящения по альбомам, век XX вынес их на эстраду, сделал интимное публичным. Это была революция. Игорь-Северянин стоял у её истоков. На смену литературным гостиным пришли *рецитали* — поэзоконцерты, которые ещё в середине прошлого века сотрясали советские стадионы: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, etc.

И это интересная тема для исследователя — изменения, сравнение и обоснование.

***

В стихах Игоря-Северянина упомянуто свыше 700 имён — поэтов, писателей, музыкантов, знакомых, политических, исторических, литературных и мифологических персонажей. Откуда этот кругозор? Вопрос без ответа: в отличие от классических гимназий, делавших упор на латынь и греческий язык, Череповецкое реальное училище, в котором четыре года учился будущий поэт, имело техническую и естественно-научную специализацию для последующей работы учащихся в промышленности, на транспорте и в торговле.

Не упомню, чтобы в специальной литературе в связи с Игорем-Северяниным учитывалось это обстоятельство. Триггер, превративший череповецкого реалиста во всероссийского гения, так и не был установлен.

В «Божественной комедии» Данте упомянуто 900 имён, бо̀льшая часть которых, что называется через запятую. Иное дело Игорь-Северянин, у которого не было задачи населить девять кругов ада со всеми их мыслимыми и немыслимыми закутками, поэтому у его персонажей как правило есть или контекст, или характеристика. Как минимум это свидетельство широты гуманитарного самообразования, как максимум интереснейшая тема для исследования.

***

В поэзе «Балькис и Валтасар» во всех прижизненных изданиях «Громокипящего кубка» упомянута некая Синь. В современных изданиях и в интернете она гуляет именно в таком виде: *«Улыбно светит с неба Синь —»*. Эта поэтическая вольность — синь небесная в виде имени собственного — долго не давала мне покоя, пока я не надел очки и не взял в руки лупу. Оказывается, что в прижизненных изданиях слово венчает не мягкий, а твёрдый знак — Синъ, просто пропечатано вяло и от того неразборчиво.

Аккадское Син или шумерское Нанна — это имя бога Луны и заодно покровителя астрономии, по причине его возраста ему приписывают способность управлять временем. В шумерско-аккадской мифологии его изображали в образе старца с лунным серпом над головой и длинной голубой бородой из ляпис-лазури, пересекающего в светящейся ладье ночное небо. Лунный серп ассоциировался с рогами быка.

Злые духи с помощью Шамаша (Солнца), Иштар (Венеры) и Адада (молнии) попытались затмить Сина, чтобы ночью его свет не мешал их заговору. За Сина заступился Мардук. Он и заговор сорвал, и сохранил серебристый свет бога-мудреца. Сина призывали в заклинаниях, против затмений Луны. Ревностным поклонником Сина был нововавилонский царь Набонид, etc.

Или вот ещё пример: в сборнике «Вербэна» есть упоминание «певца манто»:

Век грации, уто?нченный век-стебель!
Ланкрэ, Ла-Туш, Бушэ, Грэз и Ватто!
Андрэ Шарль Булль — поэт, не твой ли, мебель?
И ты, Бертон, не ты ль певец манто?

Если принять во внимание возможную опечатку и Манто есть имя собственное, то, возможно, речь идёт о дочери слепого прорицателя Тиресия. У храма Аполлона в Фивах некогда был камень «Седалище Манто». Как часть добычи разрушивших Фивы Эпигонов прорицательница Манто оказалась в Дельфах, где составила множество прорицаний, из которых потом Гомер заимствовал некоторые стихи. В Дельфах Манто называли Сивиллой.

Манто на иллюстрации к «De mulieribus claris»
(«О знаменитых женщинах»)

Аполлон отправил Манто в Колофон, где она основала его святилище и родила ему сына, названного Мопсом, который в зрелости стал известным прорицателем. Наконец, Манто основала храм и оракул Аполлона в Кларосе.

В трагедии Еврипида «Финикиянки» у персонажа Манто небольшая роль без слов, зато в трагедии Сенеки «Эдип» Манто занимается гаруспициями, т.е. гаданием по внутренним органам животных. Вот как в глазах Манто выглядят внутренности быка:

Что это? Не обычным лёгким трепетом
Они трепещут, — руки сотрясает мне

Утроба, брызжет кровь из жил все новая,
Глубоко сердце спрятано истлевшее,
Все жилы бледны, внутренностей многих нет,
Гнилая печень чёрной желчью пенится.

Всего одна строка с опечаткой и ошибочной датировкой, а сколько неожиданного!

Однако есть и другие соображения. Например, два французских композитора XVIII века отец Пьер Монтан Бертон (Pierre Montan Berton) и сын Анри Монтан Бертон (Henri Montan Berton). Чисто теоретически, могли они в каком-то из произведений упомянуть манто? Могли. Особенно, если учесть контекст. В предыдущей строке находим: *«Андрэ Шарль Булль — поэт, не твой ли, мебель»?*

Андрэ-Шарль Буль (Andre-Charles Boulle; 1642–173) — французский художник, резчик по дереву, гравёр, рисовальщик-орнаменталист, позолотчик, крупнейший мастер-мебельщик своей эпохи, создатель особенной техники «буль» и изящного стиля художественной мебели «буль». Андрэ-Шарль Буль заслужил у современников прозвище *joailler du meuble* — ювелир мебели.

В таком случае мебель и манто составляют смысловую пару, тандем, если хотите. Но и это ещё не всё.

Знакомьтесь: «министр моды» при дворе королевы Марии-Антуанетты модистка Мари-Жанна Бертен (Marie-Jeanne Bertin), более известная как Роза Бертен. Благодаря таланту пользовалась популярностью у придворных Франции вплоть до Великой Французской Революции. После казни Людовика XVI Роза сшила для Марии-Антуанетты простое траурное платье, весьма пригодившееся на гильотине. Сама модистка спаслась от гильотины бегством в Англию.

Модных журналов в ту пору не существовало и Бертен придумала специальные манекены — куклы в рост человека, одетые в соответствии с последней модой. Их называли Пандорами, и они путешествовали по европейским странам, демонстрируя новинки в мире моды. Несколько Пандор добрались до Санкт-Петербурга.

В 1795 году Роза вернулась во Францию, где её клиенткой стала жена Наполеона Бонапарта Жозефина де Богарне. На смену стилю рококо пришёл лаконичный ампир, и Роза отошла от дел. Умерла она в 1813 году, в возрасте 66 лет, в своём доме в Эпин-сюр-Сен.

Marie-Jeanne Bertin

Могла ли королевская модистка Роза Бертен быть певицей манто? В принципе могла. Но вот вопрос: почему она упомянута Игорем-Северяниным в мужском роде?

***

Недавно, шутки ради, я сделал контент-анализ «Громокипящего кубка». К своему стыду, выяснил, что многие вещи, которые я понимаю

интуитивно, имеют более глубокое содержание. Фактически, речь идёт о глубине непонятого. Признаться, не ожидал такого подвоха

В интернете можно найти пару-тройку словарей неологизмов, исследующих творчество поэта, через обращение к лексемам, т.е. к исходным формам неологизмов, акцентологическим, грамматическим, стилистическим, экспрессивным пометам, etc. Предложите эту наукообразную хрень любителям поэзии преклонного возраста и вас возненавидят. Возненавидят и будут правы. И молодёжь вас тоже не поймёт. И слушать вас не придёт.

Во-первых, потому что анализу подвергают язык выпускника четырёх классов (!) Череповецкого реального училища, хотя и весьма продвинутый чтением разнообразной литературы. Начитанность и феноменальная память — вот его основа. Ни в одном подобном словаре Череповецкое реальное и четыре класса не учитываются, но неизменно присутствует преувеличенная наукообразность исследований.

Во-вторых, сошлюсь на самозваного графа Антуана де Ривароля: «Мои обязанности по составлению Словаря французского языка наводят меня на мысль о враче, который вынужден анатомировать свою возлюбленную». После беглого знакомства со словарями неологизмов Игоря-Северянина как неофит я бы не захотел читать его творения в оригинале. Поэзия, прежде всего, существует для читателей, а не для сочинителей вступительных статей и диссертаций. Однако за сотню лет жизнь ушла вперёд и для широкой публики объективно нужен толковый словарь.

В-третьих, одного только пояснения имён и устаревших словечек, будет маловато. В стихотворениях Игоря-Северянина упомянуто огромное количество современников, исторических, литературных и мифологических персонажей. В большинстве случаев без толкования, т.е. объяснения контекста, в котором они упомянуты не обойтись. Вообще это отдельный феномен, в литературе не описанный и не исследованный. А жаль. Семьсот имён — это абсолютный рекорд в истории Серебряного века.

Исключение, пожалуй, составляет «Словарь литературного окружения Игоря Северянина» (2007), составленный в Пскове Д.Прокофьевым. В окружение поэта попали Байрон, Диккенс, Гоголь, Крылов, критик Измайлов, etc. Моя же идея в 1999 году была проще — синодик лиц, упомянутых в стихотворениях Игоря-Северянина как

свидет ельство начитанности и кругозора, а не окружения бесплотных теней. Имена требуют не столько биографических подробностей, сколько толкования ситуации, в которой они упомянуты, и это тема для исследования. Синодик существует в интернете более четверти века и как инструмент (справочник) доказал свою практическую пользу для исследователей.

***

Особняком стоит единственная в своём роде и недооценённая научная работа Игоря-Северянина «Теория версификации», классифицирующая стихотворные размеры от классических, но редко употребляемых, до придуманных автором, вроде квадрата квадратов:

размер *«состоит из 4 строф по 4 стиха в каждой строфе, причём все эти 16 стихов по смыслу являются, собственно, четырьмя. Все 4 стиха 1 строфы, должны быть теми же и в том же порядке стихами всех последующих строф, но все 4 раза они должны иметь различную расстановку слов, благодаря чему квадрат квадратов рифмуется внутри четырежды во всех своих 16 стихах и читается сзади наперёд, как спереди назад. Рифмовка: на помощь уже имеющимся Ровным, по количеству основных четырёх стихов, рифмам, берутся 12 внутренних, превращаясь во внешние. В результате имеются 8 созвучий и 16 рифм».*

Право, есть над чем поразмыслить: в истории Серебряного века Игорь-Северянин единственный из поэтов, кто возрождал забытые и придумывал новые стихотворные размеры. Кстати, это обстоятельство роднит его с Данте, который реформировал сонет, изменив чередование в двух первых катренах мужской и женской рифмы с АБАБ на АББА. Нет, не даром современники городского головы Ивана Милютина называли Череповец за развитую при нём сеть народного просвещения «Северными Афинами».

***

Пробуждение поэта в Игоре Лотарёве обыкновенно связывают с Череповцом, детскими и юношескими влюблённостями: «Мне было пять, когда в гостиной \ С Аделаидой Константинной, \ Которой было тридцать пять, \ Я, встретясь в первый раз, влюбился...». (Игорь-Северянин. «Роса оранжевого часа»; Аделаида Константиновна, урождённая Мравинская, жена сенатора Ивана Ивановича Домантовича.) Однако это не совсем так.

Первый реальный поэтический опыт Игоря Лотарёва относится к 1903 году и является рифмованным откликом на путешествие в Китай — триптих «По владениям Кучума»: «На Урале», «Около Иртыша» и «Озеро Байкал». Все три путевые открытки написаны в июне 1903 года в порту Дальнем (кит. Далян).

Годом позже Игорь Лотарев воспел в стихах подвиги русских моряков в Русско-японской войне: девять стихотворений с сентября 1904 по июнь 1905 года. Вышло 8 отдельных брошюр, девятая — «Сражение при Цусиме» получила цензурное разрешение, но в печать не попала. Серебряный век русской поэзии войну не заметил.

***

Для всех бойцов, измученных борьбою,
Был Кондратенко жизнью, сердцем и душою.
Он дух бойцов примером ободрял,
Он для врага преграды создавал:
Везде, где шумный бой кипел гремящей лавой,
Где дым снарядов вражеских дышал отравой, —
Среди бойцов всегда являлся он,
Руководя бесстрашно грозным смертным боем,
Среди геройских войск он был всегда героем!

Герой Порт-Артура Роман Исидорович Кондратенко был единственным генералом, кто удостоился анонимной эпитафии и нескольких посмертных посвящений в стихах. В сборнике подполковника А.Г.Авчинникова «Народный герой Роман Исидорович Кондратенко» (Екатеринослав, 1912) находим посвящение брата Феофила Исидоровича Кондратенко, сочинения защитников Порт-Артура неких Вельяминова и Нейкирха. Возможно, этот Нейкирх принадлежал к бедному роду осевших в России остзейских немцев, и тогда он приходится дальним свойственником Пушкину через его племянницу Марию Львовну. Впрочем, мы слегка увлеклись подробностями.

Чтобы поставить точку, напомню, что знаменитое «Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”» принадлежит австрийскому поэту Рудольфу Грейнцу. Оригинал стихотворения «Der stolze Warjag ergibt sich nicht» был опубликован в 1904 году:

Генерал Роман Исидорович Кондратенко

Rudolf Heinrich Greinz

Auf Deck, Kameraden, all auf Deck!
Heraus zur letzten Parade!
Der stolze 'Warjag' ergibt sich nicht,
Wir brauchen keine Gnade! <…>

Мы знаем этот шедевр в классическом переводе поэтессы Евгении Михайловны Студенской. Как бы там ни было, но Игорь-Лотарев вошёл в историю русской литературы циклом из 9 стихотворений, посвящённых Русско-японской войне. Он был не просто первым — он был первым и единственным русским поэтом, откликнувшимся на эту войну. Сборник «Морская война» Игорь-Северянин полагал издать отдельным томом, увы не случилось.

Стихи юного Игоря Лотарёва далеки от совершенства, но они вобрали в себя военно-патриотический порыв разом за всю русскую литературу начала прошлого века. Даже стыдно, что «Морская война» прошла мимо российского литературоведения.

Для вдумчивого исследователя — как минимум тема для кандидатской диссертации. Здесь есть всё, флот, адмиралы, сражения, подвиги, высокая трагедия сразу двух тихоокеанских эскадр, горечь поражения, etc.

***

Пример военно-патриотической инспирации стихотворение «Захват “Решительного”». У судна была своя любопытная и отчасти даже мистическая история. Миноносец был несколько раз переименован, что явно не пошло ему на пользу. Судно было спущено на воду под названием «Кондор», но зачем-то его переименовали в «Баклана». Затем уже в лучших традициях русского флота «Баклана» переименовали в «Решительного».

Эскадренный миноносец «Решительный» вступил в войну против Японии под командованием лейтенанта Александра Алексеевича Корнильева.

В ночь на 27 января 1904 года, т.е. ещё до официального объявления войны, японский флот атаковал на внешнем рейде Порт-Артура русские корабли. С рассветом две пары миноносцев были отправлены для уничтожения японских кораблей. В паре с «Решительным» на задание был отправлен миноносец «Стерегущий».

Японцы поставили сильный заградительный огонь. Миноносцы не смогли приблизиться на расстояние прицельного пуска торпед, и повернули обратно на рейд Порт-Артура. «Стерегущий» получил несколько попаданий.

«Решительный» остался цел, но от близкого разрыва снаряда несколько членов экипажа, в том числе лейтенант Корнильев получили контузии, к тому же командира окатило ледяной забортной водой. Через пару дней контузия осложнилась воспалением лёгких. Первого февраля его списали на берег и отправили было на лечение в Россию. Болезнь стремительно прогрессировала и в апреле Корнильев скончался в Харбине от туберкулёза.

В конце февраля 1904 года миноносцы «Стерегущий» и «Решительный» в составе отряда под командованием капитана 2-го ранга Фёдора Эмильевича Боссе во время ночного поиска на траверсе островов Эллиот вступили в бой с превосходящими силами противника — четырьмя японскими миноносцами и двумя крейсерами.

Командир «Стерегущего» лейтенант Александр Семёнович Сергеев был убит в первые же минуты боя, а судно потеряло ход. Согласно легенде, тяжело раненный квартирмейстер Иван Бухарев и трюмный машинист матрос Василий Новиков, открыв кингстоны, затопили миноносец, чтобы он не достался врагу. Довольно странно, потому что у миноносцев той поры кингстоны не были предусмотрены. Тем не менее миноносец затонул, а подвиг экипажа не был оспорен и «Стерегущему» в Петербурге поставили памятник.

Кап-два Боссе вынужден был оставить «Стерегущий» наедине с японцами. Сам, прорвав с боем кольцо японских кораблей, привёл «Решительного» в Порт-Артур. В бою был ранен, но остался в строю. В связи с оставлением «Стерегущего» некоторое время Боссе находился

под следствием, но был оправдан, в том числе по заступничеству адмирала Макарова. Вышел в отставку в чине контр-адмирала. Эмигрировал, служил в военно-морском флоте Перу. Участник Перуано-колумбийской войны 1932—1933 годов. Умер в Лиме.

В должности командира «Решительного» Боссе сменил лейтенант Михаил Сергеевич Рощаковский. 28 июля 1904 миноносец «Решительный» был тайно послан в Чифу (Чжи-фу) с депешей о намерении эскадры прорвать блокаду Порт-Артура и двинуться во Владивосток.

На следующий день миноносец скрытно прибыл в нейтральный китайский договорной порт Чифу для интернирования согласно международным правилам. Имея в виду, что на миноносце не осталось оружия, японцы потребовали сдать им судно.

30 июля лейтенант Рощаковский отверг предложение японцев сдаться и на борт «Решительного» высадился десант. В завязавшемся коротком бою погибли двое безоружных матросов, а четверо, включая Рощаковского, получили ранения. Командир получил пулевое ранение в бедро. Двое японских десантников были убиты, а одиннадцать (!) вооружённых японских десантников получили ранения разной степени тяжести.

«Решительного» японцы переименовали в «Акацуки», и это было роковой ошибкой. «Акацуки» принял участие в сражении при Цусиме и в первом же бою решительно протаранил японский миноносец № 69, который пошёл ко дну. 19 октября 1905 года миноносец был переименован из «Акацуки» в «Ямабико» (яп. горное эхо). В 1918 году миноносец пустили на лом.

После революции Рощаковский эмигрировал в Норвегию. Вернулся в СССР и вскоре присел. Сначала в 1928 году, потом в 1937. Умер в 1938 году в Карагандинском ИТЛ.

***

История с вероломным захватом безоружного миноносца «Решительный» в нейтральном порту взволновала начинающего поэта, и он сочинил стихотворение «Захват “Решительного”», в котором подробно описал события на палубе «Решительного»: японский десант, заступничество китайского адмирала и храбрые действия команды лейтенанта Рощаковского.

Я расскажу вам возмутительный
Войны текущей эпизод,
Как раз?руженный «Решительный»
Попался в вражеский тенет. <…>

Заняв «Решительного» палубу,
Враги вступили в разговор.
Наш командир представил жалобу
На действий вражеских простор.

Что разоружился «Решительный»,
Что взяты пушки в арсенал,
Что бой принять мы положительно
Не можем, — он им отвечал.

С улыбкой холода могильнаго
Он разговор уж вёл к концу,
Как вдруг, взмахнув рукою сильною,
Японца хлопнул по лицу.

Не мудрено: переговорами
Пока был занят командир,
Японский флаг пред всеми взорами
Взвился наверх, нарушив мир.

Летние события на театре военных действий — потопление «Стерегущего» и захват «Решительного» в минимальных подробностях достигли Петербурга только к середине осени. Имея на руках скупой газетный текст и художественную открытку с изображением захвата, юному поэту пришлось многое домыслить.

Оригинал открытки представляет изображение событий в кромешной темноте — ночь же! После обработки современными техническими средствами можно разглядеть детали, которые не мог видеть Игорь Лотарёв. Например, по правому борту миноносца ближе к корме видны две лёгкие пушки. По правилам интернирования пушки оставались на местах, а в арсенал порта сдавали только орудийные замки. Юный поэт этого не знал и знать не мог.

Подвиг «Решительного».
Обработано AI

Примкнутые штыки японского десанта свидетельствуют о том, что изначально планировался именно силовой захват судна. Вот японский десантник наносит удар прикладом винтовки с примкнутым штыком в грудь командира миноносца. На переднем плане русский матрос в белой форменке кулаком убивает вооружённого японского десантника.

Чуть дальше спиной на штормовом леере повис японский офицер с обнажённым клинком в руке. Ещё мгновение и мичман (судя по слетевшей с головы фуражке и кителю), сбросит японца за борт:

За их поступок беззастенчивый
Их наказало море так:
По воле случая изменчивой
Погиб «Решительный» в волнах.

Пусть населенье европейское
Поступок варваров поймёт,
Я ж верю опыту житейскому:
«Добро чужое впрок нейдёт.

Примем во внимание, что пока это юноша Игорь Лотарёв, а не поэт Игорь-Северянин. Период ученичества продолжился до знакомства с Константином Фофановым, о чём ниже. Кстати, «Решительного» сдадут на гвозди только 14 лет спустя, но его трагическая гибель в волнах в стихотворении вполне уместна в свете потопления «Стерегущего».

Согласитесь, что «Морская война» тоже тема, причём весьма актуальная в смысле патриотического воспитания.

***

Форма литературного псевдонима, избранного Игорем Лотаревым, даже для богатой на всяческие изыски русской литературы кажется довольно необычной. Я всегда придерживаюсь правила писать его через дефис, не разделяя наподобие имени и фамилии по той простой причине, что так придумал он сам. Споры вокруг того, как писать псевдоним поэта Игоря Лотарева «Игорь-Северянин» — с дефисом или без — не утихают до сих пор.

Однако дефис — это только внешняя сторона дела, есть и скрытый смысл, который представляет интереснейшую тему для исследования. Во-первых, псевдоним как акт инициации; во-вторых, как оберег, в-третьих, как мифологема. Псевдоним «Игорь-Северянин» является историческим фактом культурного и литературного процесса в России в начале XX века. В силу этого псевдоним должен воспроизводиться в научной и иной литературе в его авторском написании. Он является неотъемлемой частью творческого наследия поэта Игоря Лотарева, существенной деталью его биографии и своеобразным ключом к правильному пониманию его творчества.

Акт инициации

Вот что наплёл рядовой Игорь Лотарёв будущему литератору Леониду Борисову ночью 1916 года на нарах 3-го запасного пехотного полка, расквартированного в Малом Петергофе:

«— Начинают не поэты, а стихотворцы, то есть люди, которые всего лишь умеют рифмовать и даже, может быть, знают все правила стихосложения. Поэт начинающим не бывает, он берет сразу, как лошадь, с места, и пишет — как взял, так и пошёл, вот как человек с тяжёлой пошей. <...> А пишу я стихи без всяких черновиков — как выпелось, так и хорошо. Если стихи исправлять, будут уже второй и третий раз другие, новые стихи, не те, что были до этого...

— А вы их вынашиваете, обдумываете? — спросил я.

— Нет, не выкашиваю, я не женщина — я поэт, меня что-то вдруг осенило, и я слушаю диктовку тайны и той Тринадцатой, которая...» (Л.Борисов. За круглым столом прошлого. Лениздат, 1971.)

Откровения Игоря-Северянина вряд ли были записаны ночью на нарах или по утру в казарме. Не столь важно купился на эту чушь Борисов или спустя годы сам нафантазировал прямую речь. Юношеские псевдонимы Игоря Лотарёва «Князь Олег Сойволский», «Мимоза», «Игла», «Граф Евграф Д'Аксанграф» — это свидетельства ученического процесса. Французское Accent grave — это диакритический знак в виде черточки с наклоном влево (ò, à, è), который меняет звук буквы, показывает ударение или помогает отличить похожие слова, например, утòнченной или утончённой женщины.

На последней странице 32-й брошюра «Пролог “Эго-футуризм”» (1911) находим план «Полного собрания поэз». Название первого тома «Настройка лиры» — включает в себя первым разделом «Морскую войну», вторым — «По владениям Кучума», etc. Так что ученический период, предшествовавший знакомству с Фофановым, всё же был.

Кстати Игоря-Северянина часто упрекали в том, что он французит, совершенно не зная языка. Причина странного произношения — не выпендрёж, а дефект подъязычной уздечки, чему есть свидетельство. Отсюда ниточка к актёрам — современникам поэта, которые использовали тот же приём чтения — мелодекламацию, о чём ниже. Тема сравнения манеры Игоря-Северянина с другими мелодекламаторами заслуживает развития.

Если в архивах отсутствуют черновики, то это не значит, что их не было вообще. Порученный Борису Башкирову дореволюционный архив поэта сгинул зимой 1918-1919 годов в Петрограде. Однако в Тарту в литературном музее хранится «Записная книга И.В.Лотарева. 1920 год» и в ней полно нереализованных черновиков, в том числе краткий словник терминов для стихотворения на латиноамериканскую тему.

Псевдоним «Игорь-Северянин» возникает в период знакомства с Константином Фофановым, признавшим в Игоре Лотарёве собрата по цеху, и это акт инициации Поэта с большой буквы, зрелого и опытного мастера. Известно стихотворение Фофанова, посвящённое Игорю Лотареву, датированное зимой 1908 года:

Я видел вновь весны рожденье,
Весенний плеск, весёлый гул,
Но прочитал твои творенья,
Мой Северянин, — и заснул…

С весны 1908 года (точная дата не имеет принципиального значения) Игорь Лотарев подписывает свои стихи — ещё не поэзы псевдонимом «Игорь-Северянин». Наиболее ранний известный мне автограф поэта, подписанный новым псевдонимом, я видел на 16-м сборнике «Зарницы мысли», который вышел в свет ранней весной 1908 года:

«Глубокоуважаемому талантливому поэту Леону Михайловичу Шах-Паронианцу от автора на воспоминание. Игорь-Северянин. 7.IV.08». [Копия в архиве автора.]

Оберег

Псевдоним «Игорь-Северянин» выполняет функцию магического оберега. Поэт взял за правило никогда не отвечать на критику прозой и единственное исключение он сделал для мемуаров Георгия Иванова «Китайские тени» (см. очерк Игоря-Северянина «Шепелявая тень»):

«К сожалению “вечный Иванов” — да и то второй! — в своих “теневых мемуарах” (или таково уж свойство китайских теней?) неоднократно, но досадно “описывается”, и я беру на себя роль корректора, долженствующего исправить его “опечатки”».

Современники поэта воспринимали оригинальную форму псевдонима как скандальное проявление индивидуализма. Ещё при жизни поэта сложилась практика опрощения псевдонима и написания его в форме имени и фамилии — Игорь Северянин. Вытравление дефиса из «странного» псевдонима, опрощение его до привычного имени и фамилии, это проявление остатков древнего магического сознания. Знание настоящего имени человека даёт магу (колдуну, ведьме) власть над ним.

Именно поэтому ритуальная кастрация литературного имени как бы предоставляет критику, редактору, журналисту определённую власть над хозяином псевдонима. Но, если современное литературоведение не идёт далее вытравления из псевдонима дефиса, то журналистика довершает процесс кастрации, доводя его до логического завершения трансформации в имитацию гражданского имени — Игорь Васильевич Северянин.

Любопытно, что все женщины поэта, оказавшие существенное влияние на его творчество, получали имена-обереги: Евгения Гуцан — «Злата»; Зинаида Г. — «Раиса»; Елена Новикова — «Мадлэна»; Анна Воробьёва — «Королева»; Мария Волнянская — «Муза музык»; Фелисса Лотарева — «Ариадна Изумрудная».

Мифологема

Приличествующий случаю пример понятной мифологемы Юрия Гагарина: «Я сын и член Коммунистической партии». Единство отца и сына, древний парадокс первопричины и следствия — единство яйца и курицы, etc.

Псевдоним «Игорь-Северянин» равнозначен формуле «я — гений» и в известном смысле представляет собой основную мифологему поэта. Под мифологемой в данном случае мы понимаем образно-символический способ отображения реальности. Мифологема фиксирует каноны существующего для поэта порядка вещей. Основную часть стандартной мифологемы составляет объяснение того, почему существует то, что существует, и почему оно функционирует именно так, а не иначе.

Человек, если, конечно, он не продукт эволюции аминокислот из первичного бульона через рыбу и примата в Homo sapiens, устроен так, что не может быть без имени. Он называет себя, своих близких и вещи, которые его окружают. Образно говоря, функция — послушание! — Адама в Раю назвать вещи, которые его окружают. Только получив название, вещи начинают быть:

«Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привёл [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовёт их, и чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарёк человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2:19-20).

При этом Бог называет существо, которое он создал из праха земного человеком, а его помощницу женой. Вопрос: кто дал имя самому человеку и его помощнице? Имя человека мы узнаём только в конце второй главы после того, как он получил помощницу (Быт. 2:25). И мы не знаем, кто назвал его так.

Женщина получает своё имя только после изгнания из Рая: *«И нарёк Адам имя жене своей: Ева»* (Быт. 3:20). Любопытно, что, то человечество, которое Бог создал в шестой день творения по своему образу и подобию, не получило ни адамова послушания, ни запрета вкушать плоды с древа познания добра и зла. Наоборот:

«И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землёю,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:26-28).

Каин и его дети берут жён из этого человечества и все они уже имеют имена собственные. Всё дело в том, что их предки созданы по образу и подобию Бога, а не как Адам из праха земного.

Человечество изначально получило дар Слова и право давать имена себе и друг другу, называть вещи своими именами, etc. Однако вернёмся к Игорю-Северянину и его мифологеме.

Псевдоним — это особая мифологема, но даже в усечённом виде она фиксирует основной порядок вещей и служит концептуальным обоснованием взаимодействия поэта с обществом. Люди, активно реализующие собственную мифологему, живут в ней и поэтому нечувствительны к реальности. Отчасти это объясняет тот факт, что история России в XX веке, хотя и прошла сквозь биографию поэта Игоря-Северянина, но не оказала существенного влияния на его творчество, потому что не была частью личной мифологемы.

Константин Фофанов внушил Игорю Лотареву идею личной творческой гениальности: ум поддаётся тиражированию, поэтому ум есть достояние толпы, индивидуальностью обладает только безумие, поэтому безумие и есть удел гения. XX век перевернул смысл и безумие стало достоянием толпы. Эстонский писатель Валмар Адамс, друживший с Игорем-Северяниным с начала 20-х годов, рассказывал мне, что установка «я — гений» действовала до конца активной творческой жизни поэта, потому что игра в гениальность после осознания поэтом собственного предназначения стала его жизненным кредо.

Есть ещё одно немаловажное обстоятельство: среди современников Игоря-Северянина насчитывается не менее двух десятков человек, использовавших псевдоним «Северянин» — поэты, писатели, журналисты и публицисты. Есть также ботаник, географ, социал-демократ и даже большевик Бонч-Бруевич.

Кроме того, нельзя не упомянуть Николая Георгиевича Прокофьева-Северского — известного певца и режиссера музыкального Екатерининского театра. Театр располагался в Петербурге в здании Екатерининского общества в угловом доме по Екатерининскому каналу и Средней Подъяческой. Петербургский адрес Игоря-Северянина дом 5 квартира 8 — до театра Северского Среднюю Подъяческую перейти по диагонали. В письмах поэта к актрисе Лидии Рындиной поэт упоминает посещение Екатерининского театра. Обилие северяниных наводит нас на мысль, что Фофанов мог бы придумать для Игоря Лотарёва нечто более оригинальное. Однако Константин Михайлович большой затейник и придумал для юного поэта второе и совсем неочевидное значение гениальности — genius loci, т.е. гений места, хранитель русского Севера.

И тогда скандальная строка «Я, гений Игорь-Северянин» — это не про гениальность в общепризнанном значении слова. Надо признать, что толкового хранителя из него так и не получилось, после 1903 года поэт ни разу не был на русском Севере, хотя в его стихах Север присутствует в избытке. Ни в Череповце, ни в Вологде не состоялось ни единого выступления, что само по себе странно и требует объяснения.

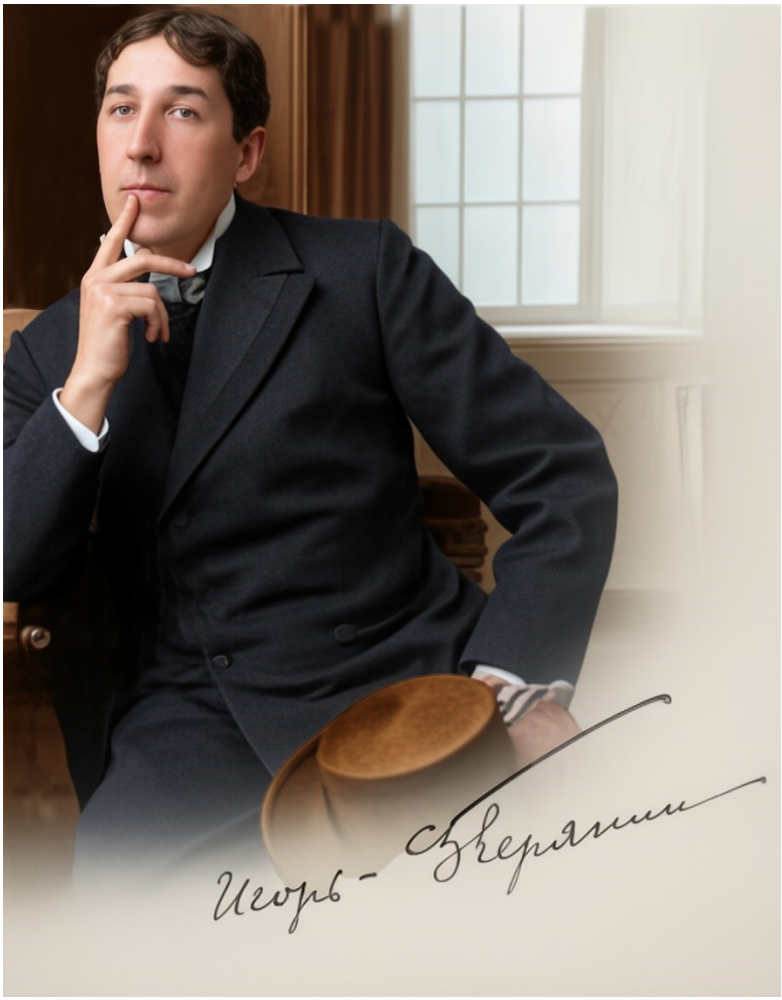
***

Любопытно, что на двух профессиональных фотографиях Игорь-Северянин запечатлён с модной шляпой фасона гаучо в руках: более ранняя по времени групповая фотография с Фёдором Сологубом (1913) и портрет для сборника «Критика о творчестве Игоря-Северянина» работы Елены Лукиничны Мрозовской (1915). Шляпа имеет латиноамериканское происхождение, а словечко G?ucho испанское и означает южноамериканских пастухов и всадников. И вот тут первое, что приходит на ум строка из знаменитой «Увертюры» про ананасы в шампанском (январь 1915 года): «Весь я в чем-то норвежском! весь я в чем-то испанском!»

На фотографии Мрозовской поэт держит в руках шляпу гаучо, перчатки, и стек (англ. riding crop) — лёгкий хлыст для управления лошадью при верховой езде. Именно стек является традиционным аксессуаром британского офицера, который эффектно заправляют подмышку левой руки. Рукоять стека слегка скошена, чтобы не было искушения использовать его как трость. Появление в кадре аксессуара для верховой езды загадочно. Известно, что поэт устраивал в Череповце гонки на дрожках (телегах?), а Лидия Рындина отмечала, что поэт умело обращался с запряжённой в коляску лошадью.

Одно дело коляска и вожжи и совсем другое седло и хлыстик. Однако нас интересует другое — на фото Игорь-Северянин одет не традиционный норвежский бушлат или свитер lucekofta, а в модное английское пальто фасона polo и знаменитая строка должна бы начинаться так «Весь я в чём-то английском!»

Упомянув Норвегию, поэт изящно расширил географию увертюры и заодно сделал необходимый реверанс в пользу Севера.

Фрагмент групповой фотографии.
Обработано AI.

Фотоателье Мрозовской, СПб.
Обработано AI.

***

Разумеется, это далеко не все обстоятельства в связи с Игорем-Северяниным и его творчеством, которые могут быть исследованы в контексте жизни и смерти поэта. Темы могут иметь точки соприкосновения, пересекаться и дробиться.

Вам повезёт, если вы найдёте свою тему, как нашла её, например, Мария Третьякова соотнеся творчество Игоря-Северянина и моду. Но без хозяина остались звук, цвет и запах. И в этом нет преувеличения: в стихах полно звуков и запахов — цветочных и ликёрных запахов в различных сочетаниях и пересечениях, etc. Пахнут ананасы в шампанском, пахнет шофёр — мальчик в макинтоше резиновом пахнет бензином и резиной. Вероятно, есть темы, которые зависят только от вашего кругозора и фантазии.

***

Поэт хотел, чтобы его похоронили на тихом сельском кладбище в Тойла рядом с могилой матери. Но Господь судил ему найти последнее пристанище в чужой ограде и, возможно даже в чужой могиле — «С кем из безвестных суждено мне слиться?» («Молитва».) И более того — «И похоронят как Суворова» («Мои похороны»). Там лежит Суворов, здесь — Игорь-Северянин. На пафосном полуторospальном надгробии остался только псевдоним, гражданское имя давно украли вместе с бронзовой табличкой.

Ирония в том, что скульптор Иван Зубака, потакая безбожникам из числа фанатичных любителей поэзии, поместил распятого Христа на тыльной стороне надгробия. Чтобы лоб перекрестить, нужно было обойти могилу. А фишка в том, что распятие изначально не имело креста и Христос был представлен в виде любимого бандитского персонажа — гимнаста. Когда украли бронзовую табличку с гражданским именем злые языки шутили: «Если у Христа украли его крест, то сам бог велел украсть у поэта его гражданское имя».

В современной Усть-Нарве память поэта почтили оскорбительным серого покойницкого цвета муралом на трансформаторной будке. Мурал намалёван прямо по неподготовленной стене — сэкономили на грунтовке, картинка уже осыпается и пошла пузырями. На тыльной стороне будки намалёван огромный детородный орган. Был ли он там изначально или появился вслед за муралом сказать не могу. Сейчас эта наглая пиписька демонстрирует отношение местной власти к русскому поэту: за два года могли бы ликвидировать, но не тронули.

Справедливости ради надо сказать, что мурал с эстонской поэтессой Лидией Койдула выполнен в той покойницкой гамме. Парочка восставших из ада поэтов город не украсила.

И вот ещё что: поэт похоронен на главной аллее Александро-Невского кладбища, которая начинается от кладбищенских ворот. Именно здесь похоронены морские офицеры, б?льшая часть из которых принимала участие в Русско-японской войне. Это их подвиги Игорь Лотарёв воспел в юности.

Фишка в том, что Игорь-Лотарёв родился в Санкт-Петербурге в доме номер 66 по Гороховой улице, а кладбище, на котором он упокоился в Таллине имеет адрес по улице Herne [эст. herne – горох], то есть Гороховой. И это не случайное совпадение тоже может быть темой для исследования.